

Николай Кипнис,
член Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам,
член Адвокатской палаты города Москвы,
к.ю.н., доцент

Опасности «двойной защиты»

17 июля 2019 г. Конституционный Суд РФ вынес Постановление по делу о проверке конституционности ст. 50 и 52 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова, признав указанные статьи УПК не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу они не предполагают, что дознаватель, следователь или суд может оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению, если отсутствует злоупотребление правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника. Применение впрямь данных положений ст. 50 и 52 УПК РФ вопреки указанному конституционно-правовому смыслу не допускается.

Хотелось бы верить и надеяться, что тем самым поставлена точка в концептуальном разрешении возникшего на практике вопроса. Ну а то, как сформулированная Конституционным Судом РФ правовая позиция будет воплощаться в жизнь, зависит от высказанного им тезиса о том, что не исключается возможность «оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника». При этом критерии наличия такого злоупотребления будут выработаны судебной практикой.

Анализируя уголовно-процессуальные нормы, Конституционный Суд РФ совершенно обоснованно обратил внимание на то, что, обеспечивая право подозреваемого, обвиняемого защищать свои права с помощью назначенного или выбранного им самим защитника, УПК РФ вместе с тем прямо не регламентирует ситуацию, связанную с участием в деле защитника по назначению, от которого подозреваемый, обвиняемый отказывается при одновременном участии в деле защитника по соглашению. При этом такой отказ возможен (не противоречит Конституции РФ, принципам уголовно-процессуального права и другим нормам УПК РФ), но не может рассматриваться как отказ от защитника вообще, так как право подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи предполагается обеспеченным, а потому положение ч. 2 ст. 52 УПК РФ о необязательности отказа от защитника для дознавателя,

следователя и суда в данном случае не может применяться со ссылкой на защиту прав подозреваемого, обвиняемого.

Необходимо кратко пояснить историю вопроса, разрешенного ныне Конституционным Судом РФ, поскольку принятый почти 18 лет назад УПК РФ не содержит на него прямого ответа в силу отсутствия такой проблемы в советский и в начальный постсоветский периоды истории отечественного права.

Изначальные корни вопроса (точнее, даже сказать, «проблемы»), как я полагаю (но не утверждаю, чтобы не лишать оппонентов права на альтернативные точки зрения), в том, что примерно с середины 90-х гг. XX в. с расширением действия принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, прав стороны защиты, постепенным признанием того, что подозреваемый и обвиняемый могут пригласить по соглашению не одного, а несколько защитников (до того, как такое право 18 декабря 2001 г. было прямо закреплено в ч. 1 ст. 50 УПК РФ), обозначились как позитивные, так и негативные последствия таких новаций.

Поскольку позитивные последствия очевидны, остановимся на анализе негативных.

Так, следователи и судьи долго не могли разобраться в вопросе о том, легитимно ли производство по уголовному делу, если для участия в следственном или судебном действии (судебном заседании) явились не все, а лишь некоторые из защитников по соглашению. В связи с этим все чаще стали возникать конфликтные ситуации, когда адвокатов по соглашению стали обвинять в намерении сорвать производство следственного или судебного действия даже в тех случаях, когда они добросовестно уведомили следователя и/или суд о своей неявке, другой (другие) защитник этого же лица по соглашению явился, а сам подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) не возражал против производства следственного или судебного действия с «неполным комплектом» защитников по соглашению.

Нужно отдать должное судьям Верховного Суда РФ, которые еще в 2006 г. в практическом пособии, получившем широкое распространение среди судебных юристов и впоследствии неоднократно переиздававшемся, указали, что «Статья 48 Конституции гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Согласно положениям ч. 1 ст. 50 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый вправе пригласить несколько защитников. Участие хотя бы одного защитника в судебном заседании обеспечивает осуществление функции защиты в уголовном процессе и гарантирует подсудимому право на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому при отсутствии одного из защитников в судебном заседании допускается продолжение судебного разбирательства, поскольку право на защиту подсудимого не нарушается, а его интересы представлены другими адвокатами»[1].

В итоге Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего

право на защиту в уголовном судопроизводстве» четко указал: «Когда защиту обвиняемого осуществляют несколько приглашенных им адвокатов, неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из адвокатов» (абз. 4 п. 12).

С другой стороны, в указанный исторический период четко обозначилась такая тенденция: как один-единственный, так и несколько защитников (адвокатов) по соглашению стали под различными предлогами (как вполне формально обоснованными, так и вообще никак необоснованными) систематически срывать следственные действия и судебные заседания, отказываться от участия в них (например, от участия в судебных прениях), чтобы дождаться истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, объявления амнистии, либо оказать таким способом воздействие на следователя или судью, вынудив их удовлетворить какое-нибудь ходатайство и т.п. При этом широкое хождение в адвокатской среде получил тезис о том, что адвокат – слуга доверителя, что доверитель может запретить адвокату являться для участия, например, в конкретном следственном или судебном действии, а адвокат якобы не вправе ослушаться. Увы, насколько показывает мой личный практический опыт и постоянное общение с коллегами, некоторые адвокаты и по сей день искренне считают упомянутый тезис основанным на законе!

Рискуя быть обвиненным в субъективизме, позволю себе утверждать, что упомянутый не основанный на законе тезис – это, возможно, главная причина, приведшая в итоге к необходимости вынесения Конституционным Судом РФ комментируемого Постановления.

Не надеясь (в ряде случаев, будем честны, вполне реалистично и обоснованно) на возможность достижения благоприятного для подзащитного результата по делу теми средствами, которые прямо предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве, и одновременно не желая в интересах доверителя нарушать запреты, установленные УК РФ (т.е. совершать преступления для «решения вопроса» доверителя), часть адвокатов стала использовать болевые точки судебной практики. Любому практику известно, что (по причинам, которые нет нужды анализировать в настоящем комментарии) гораздо легче добиться отмены приговора по тому основанию, что при производстве по уголовному делу допущены нарушения уголовно-процессуального закона, чем пытаться убедить вышестоящий суд в том, что выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. А поскольку право на защиту (ст. 16 УПК РФ) – это исторически некая «священная корова», которой поклоняются (совершенно неважно, по каким причинам) все, включая дознавателей, следователей, прокуроров и судей, то адвокаты-защитники избрали тактику не только поиска уже кем-то допущенных нарушений, но и создания / провоцирования при производстве по уголовному делу ситуаций, которые актуальны на конкретный момент времени судебно-

следственная практика с высокой долей вероятности могла признать нарушением права на защиту.

Приведенный выше пример с новым институтом «нескольких защитников» и их неполной явкой – наглядное подтверждение сказанному.

Чрезвычайно способствовало поиску защитниками новых «творческих» методов работы и закрепление в новом уголовно-процессуальном законе огромного количества процессуальных сроков и последствий их нарушения.

Причем, и сами сроки, и последствия их нарушения закреплялись и закрепляются в законе и вырабатываются правоприменительной практикой весьма нечетко и субъективно, что способствует сохранению ситуации правовой неопределенности. Длительное время суды не могли осознать, что домашний арест, будучи разновидностью заключения под стражу, не может быть бессрочным. Понадобилось вмешательство Конституционного Суда РФ, чтобы ст. 107 УПК РФ привели к состоянию, доступному для понимания рядового практика.

До сих пор суд апелляционной инстанции, признав избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу или продление срока содержания под стражей произведенным с нарушением УПК РФ, не рассматривает ходатайство следователя сам по правилам производства в суде первой инстанции, а возвращает материал на новое рассмотрение, избирая лицу на «промежуточный» срок меры пресечения в виде содержания под стражей даже в тех случаях, когда не продление, а само избрание признаны этим судом произведенными с нарушением норм уголовно-процессуального права, и т.д. Такой неопределенностью защитники, естественно, пользуются в интересах доверителей.

Весьма неоднозначно толкуется на практике и ч. 3 ст. 50 УПК РФ, устанавливающая, что в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника (либо когда участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия) дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника. В ряде случаев совершенно очевидно, что ч. 3 ст. 50 УПК РФ по конкретному делу рассматривается стороной защиты как механизм, который должен повлечь осознанное создание недопустимых доказательств и совершение иных действий, расцениваемых как существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Одновременно с отмеченными тенденциями в судебной практике возникла другая проблема, совершенно не известная советскому и начальному постсоветскому уголовно-процессуальному праву.

15 июля 2002 г. Европейский суд по правам человека вынес Постановление по делу «Калашников против Российской Федерации» (жалоба № 47095/99), констатируя нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части нарушения государством

права каждого при предъявлении ему любого уголовного обвинения на разбирательство дела в разумный срок. В Постановлении отмечалось, что в производстве по уголовному делу были значительные проволочки, которые нельзя объяснять сложностью дела или действиями заявителя. В частности, дело, находясь в производстве суда первой инстанции, оставалось фактически без движения почти два года, т.е. с 7 мая 1997 г. по 15 апреля 1999 г., на протяжении всего производства по делу заявитель содержался под стражей, а это обстоятельство требовало со стороны судов, занимавшихся делом, приложить особые усилия к тому, чтобы правосудие отправлялось быстро. После постановления приговора 3 августа 1999 г. и принятия решения от 29 сентября 1999 г. об отказе от обвинений, не учтенных при вынесении приговора, в отношении заявителя было выдвинуто новое обвинение на основании прежних фактов, что еще более способствовало затягиванию производства, которое к тому моменту в суде первой инстанции уже тянулось более четырех с половиной лет.

Так институт разумных сроков начал «победоносное шествие» в отечественном праве.

Завершилась эта эпопея принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и введением в уголовное судопроизводство нового принципа «Разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 6.1).

Причем, как неоднократно отмечалось и в исследованиях, и на различных конференциях, «разумный срок» может исчисляться и годами, т.е. это понятие оценочное, не наполненное «предельным» содержанием, требующее учета всех обстоятельств конкретного дела.

Однако для рядовой практика и его процессуального руководства такая неопределенность неудобна. Гораздо проще придумать какие-то сроки, которые сегодня кому-то из власть предержащих представляются разумными, и требовать их соблюдения, одновременно наказывая за нарушение. Естественно, что, зная о новой болевой точке должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, защитники стали этим знанием пользоваться.

Указанная совокупность событий (возможно, и не исчерпывающая) привела к появлению так называемых адвокатов-дублеров, т.е. адвокатов по назначению, которые привлекаются к участию в деле дознавателем, следователем или судом в ситуации, когда, по их мнению, адвокат (адвокаты) по соглашению затягивают производство по делу, т.е., пафосно выражаясь, совершают действия (бездействие), нарушающие принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный в законе. Также отмеченное явление называют «двойной защитой».

Объективно оценивая институт адвокатов-дублеров, следует отметить, что если привлечение адвоката-дублера (защитника по назначению) мешает

адвокату по соглашению реализовывать тактику затягивания процесса, то такая тактика не одобряется правом и не защищается им.

С другой стороны, активный адвокат по соглашению зачастую неудобен, гораздо спокойнее работать с адвокатом по назначению.

На следствии встречается опасная категория адвокатов-дублеров – «карманные» адвокаты, с участием которых в той или иной степени фальсифицируются как просто процессуальные документы, так и доказательства обвинения (явки с повинной, показания подозреваемого/обвиняемого и др.).

В судах адвокаты-дублеры в основном помогают рассмотреть дело в так называемые разумные сроки, определенные системой ГАС РФ «Правосудие» в 3 месяца, хотя в законе такой срок отсутствует. Новоявленные «разумные сроки» наверняка являются причиной активизации привлечения адвокатов-дублеров, так как судей реально наказывают за нарушение произвольно придуманных разумных сроков, и они боятся быть привлеченными к дисциплинарной ответственности.

Интересно, что Европейский Суд никогда не признавал факт рассмотрения уголовного дела в срок свыше 3 месяцев (и даже в разумно более длительный) нарушением Конвенции, но «у страха глаза велики».

По факту многие суды стали любую неявку адвоката по соглашению рассматривать как срыв рассмотрения дела. Между тем, каждый может заболеть и не один раз (грань между придуманной болезнью и реальной, если они обе подтверждены врачом, разумеется, провести сложно), могут реально совпасть даты по двум, а то и по трем процессам, и вовсе не потому, что адвокат сделал это специально, а по так называемому закону подлости. Ну и есть еще ряд причин, которые всегда существовали и не мешали работать, дела откладывались не один и не два раза, но в пределах осознаваемой профессиональными участниками судопроизводства разумности.

Опасной тенденцией сегодняшнего дня является то, что многие суды взяли за правило держать всех адвокатов по соглашению на подозрении, поэтому даже при отсутствии со стороны адвоката по соглашению признаков процессуально неконструктивного поведения судья уже в самое первое заседание, в том числе в предварительное слушание, приглашает дублеров на случай, если адвокатам по соглашению в перспективе «захочется что-то сорвать». Чтобы неповадно было!

Между тем, в УПК РФ установлена презумпция приглашения обвиняемым защитника по соглашению, и лишь при отказе обвиняемого от реализации своего права на приглашение защитника за свой счет ему назначается защитник. Именно такой алгоритм четко и недвусмысленно прописан в ст. 50 УПК РФ.

Защитник по соглашению владеет материалами дела, собирал доказательственную информацию (в том числе, по ряду вопросов обращался к специалистам), т.е. делал то, что адвокат по назначению не всегда делает

и/или может сделать (например, обратиться за платной консультацией к специалисту, поскольку такая активность из бюджета не финансируется).

Не будем фантазировать и всерьез утверждать, что адвокаты по назначению всегда изучают все материалы многотомного дела. Такое случается, но отнюдь не ежедневно. Зачастую очевидно, что это невозможно: например, когда адвокат по соглашению заболевает, его заменяют на дублера, чтобы в конце года завершить рассмотрение многотомного дела, по которому разумные сроки судопроизводства действительно близки к завершению или вообще уже истекли (в некоторых случаях это связано с невозможностью дальнейшего продления срока содержания под стражей подсудимого до вынесения приговора).

Опасность массового (а не точечного) признания легитимности института адвокатов-дублеров состоит в том, что защитник по соглашению будет признан факультативным участником процесса. Как только он не придет для участия в следственном или судебном действии по любой самой уважительной причине, следственное действие или судебное заседание будет проводиться без него с участием адвоката-дублера, причем не всегда даже одного и того же.

Невозможно отрицать за адвокатом право вести сразу несколько дел. Если обнаруживается, что адвокат явно «набрал» дел больше, чем то количество, по которому он может одновременно работать, он привлекается к дисциплинарной ответственности (подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката). Однако совершенно неправомерно (и этого никогда не было – ни в советское, ни в постсоветское время) требовать от адвоката по соглашению безоговорочной явки по любому требованию суда.

В следственно-судебной практике всегда существовал институт согласования времени производства действия, даты судебного заседания. Адвокат, в отличие от судьи и прокурора, не получает фиксированную зарплату, не зависящую от количества дел в производстве. Он не может вести одно дело. Только за счет работы по нескольким делам достигается какой-то адекватный уровень дохода, причем в ряде случаев (особенно в регионах) едва ли достигающий уровня зарплат судей. Когда сидишь в кабинете и получаешь пусть и не гигантскую, но стабильную зарплату, то, кажется, что это так легко все рассчитать, везде успеть, следовать принципу судопроизводства о праве на рассмотрение дела в разумный срок. А вот когда бегаешь по городу по делам доверителей, когда твое «рабочее место» – то ли коридор суда, то ли коридор отделения полиции, да еще и застреваешь то в пробках, то в метро, то все видишь несколько в ином свете. Разумеется, если адвокат участвует в рассмотрении многотомного дела в суде первой инстанции, то он не всегда может вести даже еще одно дело. Если выясняется, что срывы были связаны с заведомо невозможным желанием «разорваться на два дела», адвокат привлекается к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, если признать, что неявка по любой причине адвоката по соглашению не требует отложения дела, так как защиту будет осуществлять адвокат-дублер, то с качественной защитой можно распрощаться. Одним из самых опасных последствий станет то, что недобросовестные должностные лица будут доставлять и допрашивать важных свидетелей во время болезни адвоката по соглашению и т.д.

Самое главное, что изменилось отношение судей к заявлению адвоката о занятости в названную судьей дату. Если раньше это заявление воспринималось в большинстве случаев с пониманием и предпринимались попытки к конструктивному согласованию, то в настоящее время зачастую адвокату ультимативно называют даты, даже не пытаясь выяснить, свободен ли он, не назначено ли у него уже давно какое-то другое дело, а потом неявку расценивают как срыв судебного заседания.

С появлением адвокатов-дублеров (двойной защиты) адвокатское сообщество было вынуждено вырабатывать пути борьбы с незаконным ограничением права каждого подозреваемого, обвиняемого пользоваться помощью избранного им защитника.

27 сентября 2013 г. Совет Федеральной палаты адвокатов РФ принял решение «О двойной защите»[2], в котором разъяснил, что адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем; отказ подсудимого от защитника-дублера в данной ситуации является обоснованным и исключающим вступление адвоката в дело в качестве защитника по назначению.

Органам адвокатских палат предписывалось предусмотреть в решениях советов об утверждении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве защищают адвокаты на основании заключенных соглашений, а нарушение этого положения рассматривать в качестве дисциплинарного проступка, влекущего дисциплинарную ответственность вплоть до прекращения статуса адвоката.

При этом в подтверждение своих выводов и предписаний Совет Федеральной палаты адвокатов РФ сослался на определения Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 424-О и от 8 февраля 2007 г. № 251-О-П, которые лишь косвенно можно отнести к затронутой в решении Совета узкой конкретной проблеме.

Следует констатировать, что решение от 27 сентября 2013 г. установило жесткие, но не всегда выполнимые правила поведения, поскольку защита по уголовному делу (в отличие от представительства по гражданскому или

административному делу, за исключением представительства на основании ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ) связана не только с реализацией обвиняемым своих процессуальных прав, но и с основанной на нормах Конституции РФ и международного права (например, п. 1 ст. 6 и подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) публично-правовой обязанностью государства обеспечить каждому реальные гарантии реализации права на защиту.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указано: «Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц» (абз. 2 п. 18). Причастные к разработке и обсуждению данного Постановления знают, что первоначальная редакция была гораздо более жесткой в отношении поведения стороны защиты.

С учетом того, что фактически на проблему двойной защиты (адвокатов-дублеров) обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ, Совет Адвокатской палаты города Москвы по итогам анализа многочисленных ситуаций, возникавших в рамках осуществляемого органами Палаты дисциплинарного производства, 18 января 2016 г. принял разъяснение по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению»[3], основные положения которого, как представляется, разделены в настоящее время Конституционным Судом РФ в комментируемом Постановлении.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П подчеркнута (п. 5), что непринятие отказа подозреваемого, обвиняемого от назначенного ему защитника (при одновременном участии по делу приглашенных и назначенных защитников), с учетом конкретных обстоятельств, характеризующих поведение обвиняемого и защитников, может быть продиктовано необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу, угроза нарушения которых вызвана злоупотреблением правом на защиту, когда процессуальное поведение подозреваемого, обвиняемого или приглашенного защитника, будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства.

Соответствующими обстоятельствами могут признаваться, в частности, сделанные неоднократно и без каких-либо оснований заявления о замене защитника, его неявка под разными предлогами в судебное заседание, т.е. действия, явно направленные на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывающие на злоупотребление правом. В

таких случаях принятие отказа от назначенного защитника следует признать не противоречащим закону и не нарушающим право на защиту.

Подобная практика согласуется с интересами правосудия и направлена на реализацию предписаний ст. 17 (ч. 3), 46 (ч. 1) и 48 Конституции РФ в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляет правом на защиту и такое злоупотребление дезорганизует ход досудебного либо судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможности приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение.

Разумеется, ряд адвокатов приветствовали бы более жесткие формулировки, четко констатирующие полную невозможность назначения подозреваемому, обвиняемому защитника в ситуации, когда его защиту осуществляет адвокат по соглашению. Но такой подход заведомо невозможен. Например, самый добросовестный адвокат по соглашению может заболеть. Если все вводить в жесткие формальные рамки, то законодателю придется установить количество дней (причем, подряд или в разбивку), в течение которых болезнь адвоката по соглашению следует считать добросовестным поведением, а далее – как поведение, явно направленное «на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывающее на злоупотребление правом».

Аналогично придется поступить и с неявками по причине занятости в других делах.

Очевидно, что сделать это невозможно.

Поэтому, как и во многих случаях в сфере правоприменения, не имея возможности четко формализовать какие-либо правила процессуального поведения, законодатель прибегает к использованию оценочных категорий, опасность которых состоит в потенциальной возможности злоупотреблений и предвзятых толкований со стороны должностного лица или государственного органа, ведущего производство по уголовному делу.

Но иного подхода не существует.

Поэтому, как и прежде, остается надеяться и верить, а с нарушениями бороться способами, предусмотренными законом.

Послесловие:

Арбитражные суды уже давно, в отличие от судов общей юрисдикции, ввели правило – неявка представителя не препятствует слушанию дела. Это жестко, но эффективно. Тот, кто хочет бороться, пригласит двух и более представителей, чтобы обеспечить ход процесса. В гражданском и административном судопроизводстве, в общем и целом, еще зачастую сохраняется советский подход отложения дел в связи с неявкой

представителя. Если по уголовным делам признать полную легитимность адвоката-дублера (поскольку это просто еще один профессиональный участник на стороне защиты, а, как известно, «кашу маслом не испортишь»), то более-менее платежеспособные граждане будут вынуждены приглашать двух адвокатов, так как один адвокат в самых редких случаях (по очень высокооплачиваемым делам) сможет сосредоточиться на одном процессе. Такой подход (который будет гораздо хуже существовавшего в критикуемую многими советскую эпоху) вряд ли можно признать «торжеством демократии».

[1] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / Под редакцией заместителя председателя Верховного Суда РФ В.П. Верина. М.: Юрайт, 2006. С. 216. Вопрос 143.

[2] Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2013. № 4 (42). С. 32–34.

[3] Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2015. № 4 (130). С. 17–21; 2016. № 3 (133). С. 85–90.